Германія должна была казаться теперь уже единственной защитницей Оттоманской имперіи. Узы, связывающія Берлинъ съ Константинополемъ, должны были стать еще крѣпче. И, дѣйствительно, они стали въ послѣднее десятилѣтіе настолько прочными, что даже такіе факты, какъ аннексія Босніи и Герцеговины, совершенная Австріей съ благосклонной поддержкой Германіи, не смогли ихъ надолго ослабить, какъ не смогъ измѣнить общаго германофильскаго направленія турецкой политики и переходъ власти въ руки крайнихъ націоналистовъ-младотурокъ. Въ общемъ можно сказать, что Турція, съ ея нѣмецкими военными миссіями, нѣмецкими орудіями, нѣмецкими генералами, нѣмецкими желѣзными дорогами, нѣмецкими банками, несмотря на временныя задержки, несмотря на случайныя остановки, неуклонно шла въ послѣдніе годы къ превращенію въ германскаго вассала. Европейскій кризисъ, не внеся въ этомъ отношенія ничего по существу новаго, послужилъ лишь толчкомъ, ускорившимъ этотъ естественный процессъ.

В. Волгинъ.

Нѣмецкая цензура

(По разсказамъ сотрудниковъ лодзинскихъ газетъ).

Нѣмцы вошли въ Лодзь въ четвергъ, 25-го сентября, вечеромъ. Редакторы мѣстныхъ газетъ, уже заготовившіе утренніе нумера своихъ изданій, нѣсколько смутились, узнавъ о вступленіи непріятеля. Надо было остерегаться, какъ бы не раздражить нѣмцевъ, временно ставшихъ хозяевами города. Статьи, наиболѣе обидныя для ихъ самолюбія, были наскоро выкинуты изъ заготовленныхъ къ печати нумеровъ. Все-же утромъ въ пятницу лодзинскія газеты вышли въ своемъ обычномъ видѣ, съ телеграммами Верховнаго Главнокомандующаго, съ сообщеніями о нашихъ успѣхахъ въ Галиціи. Нѣмцы, привыкшіе къ извѣстіямъ совершенно инаго рода, въ изобиліи доставляемымъ «Агентствомъ Вольфа», читали эти сообщенія съ недоумѣніемъ.

«Однако ловко васъ обманываютъ»,—говорили нѣмецкіе офицеры, упорно продолжая вѣрить льстящей имъ лжи германскаго оффиціоза.

Въ тотъ же день редакторы всѣхъ лодзинскихъ газетъ были приглашены нѣмецкими властями на совѣщаніе. Въ Лодзи въ это время выходило семь газетъ: одна русская,—«Лодзинскій Листокъ» (при нѣмцахъ появилось лишь нѣсколько нумеровъ), три польскихъ,—«Nowy Kurjer Lodzki», «Rozwój» и «Nowa Gazeta Zodzka»,—двѣ нѣмецкихъ,—«Lodzier Zeitung» (въ 1913 г. справившая 50-тилѣтній юбилей) и «Neue Lodzier Zeitung»,—и одна еврейская, на жаргонѣ,—«Lodzier Tageblatt» (другая еврейская газета, «N. Lodzier Morgenblatt», прекратилась еще до вступленія нѣмцевъ). Отъ всѣхъ этихъ газетъ явились на совѣщаніе представители. Имъ было объявлено, что теперь устанавливается для газетъ въ Лодзи нѣмецкая военная цензура и что малѣйшее нарушеніе ея постановленій или попытка противодѣйствовать германскимъ властямъ повлекутъ за собой немедленно закрытіе изданія.

Первымъ нѣмецкимъ цензоромъ былъ назначенъ ландштурмистъ съ неожиданной фамиліей Russland (т. е. Россія). Раньше онъ былъ инспекторомъ учебнаго округа въ Познани. Русландъ ни польскаго, ни русскаго (ни тѣмъ болѣе еврейскаго) языка не зналъ. Поэтомъ редакторы пяти газетъ должны были, представляя въ цензуру матеріалъ будущаго нумера, все переводить отъ строки до строки. Первоначально переводъ дѣлался устно (впослѣдствіи стали представлять письменный переводъ), а такъ какъ газеты стали выходить два раза въ день, то времени уходило на это очень много. Къ тому же Русландъ очень туго вникалъ въ смыслъ излагаемыхъ ему статей, постоянно просилъ повторить и все боялся, что его обманываютъ, сообщаютъ ему неточный переводъ.

Черезъ нѣсколько дней самому Русланду надоѣло выслушивать переводы, и онъ потребовалъ, чтобы ему дали помощника, знающаго польскій языкъ. Назначенъ былъ какой-то «стрѣлецъ» изъ рядовъ «войска польскаго». Этотъ стрѣлецъ, бывшій, можетъ-быть, прекраснымъ воиномъ, въ области журналистики оказался въ достаточной мѣрѣ неопытнымъ. Онъ рѣшительно не могъ разобраться, что, съ нѣмецкой точки зрѣнія, должно быть запрещено, что можетъ быть пропущено. Иные изъ редакторовъ пользовались наивностью цензора, и въ газетахъ съ разрѣшенія военной цензуры стали попадаться замѣтки, которыя приводили высшее начальство въ негодованіе. Оба цензора были отставлены, и на ихъ мѣсто назначенъ штабной офицеръ Крато.

Крато въ первый же день потребовалъ, чтобы утренній выпускъ доставляли ему въ 6 часовъ вечера, а вечерній—въ 11 часовъ утра. Съ трудомъ удалось уговорить цензора, что при такихъ условіяхъ почти невозможно составлять нумера газеты. Вычеркивалъ Крато безпощадно иногда по 200—300, а то и до 400 строкъ, что для маленькихъ провинціальныхъ изданій составляетъ $^1/_4$ или $^1/_3$ всего матеріала (въ обычномъ нумерѣ «Rozwój», напримѣръ, вмѣстѣ съ объявленіями, едва 1,000 строкъ). Сначала газеты оставляли бѣлые столбцы, на которыхъ было напечатано «konfiskowano», потомъ это было запрещено.

Одновременно съ Крато (и послѣ него) исполнялъ обязанности цензора извѣстный польскій писатель Юрій Жулавскій, офицеръ одного изъ легіоновъ «войска польскаго». Жулавскій относился къ нѣмецкому дѣлу съ ревностью, какой не отличались и сами нѣмцы. Одной газетѣ онъ запретилъ, напримѣръ, сообщить, что вся Варшава проникнута патріотическимъ духомъ. Другая газета хотѣла напечатать, что русскими сосредоточено подъ Варшавой много войска; и это было вычеркнуто. Та же газета («Nowy Kurjer Lodzki»), говоря о надвигающемся на Лодзь голодѣ, объясняла это тѣмъ, что городъ не успѣлъ получить отъ правительства обѣщанныхъ въ ссуду 350-ти тыс. рублей. Выкидывая эту статью, Жулавскій сказалъ редактору:

— Такими разсужденіями вы поддерживаете мысль, что Лодзь еще имѣетъ какую-то связь съ русскимъ правительствомъ. Отъ такой мысли надо разъ навсегда отказаться! Здѣсь—Германія.

Гораздо больше терпимости проявилъ третій цензоръ,—нѣмецъ также ландштурмистъ, бывшій военный судья. Ему была представлена замѣтка, авторъ которой, говоря о переименованіи нѣмцами польскихъ городовъ (Петроковъ—въ Штольбергъ, Ченстоховъ — въ Бендинъ и т. п.), объяснялъ это тѣмъ, что нѣмцы хотятъ подчеркнуть присоединеніе части Польши къ Германіи навсегда. Судья-цензоръ замѣтку эту зачеркнулъ, но объяснилъ свой поступокъ совершенно неожиданными соображеніями: «Согласно съ постановленіями Гаагской конференціи,—сказалъ онъ,—воспрещается присоединять оккупированныя области до окончательнаго заключенія мира; нѣмцы ведутъ войну, строго сообразуясь съ ея законами, и не могутъ позволить себѣ такого грубаго нарушенія правилъ войны».

Этому судьѣ-цензору редакторы указали между прочимъ на затруднительность своего положенія: они обязаны подчиняться нѣмецкимъ властямъ, будучи русскими подданными. «Вы въ правѣ отказываться печатать что-либо, что направлено противъ вашего Государя и родины,—отвѣтилъ ученый нѣмецъ,—и должны исполнять только наши законныя требованія». При этомъ во время разговора онъ нѣсколько разъ доставалъ томикъ, гдѣ были собраны постановленія разныхъ международныхъ конференцій, регулирующія права войны, и указывалъ то тотъ, то другой параграфъ.

Само собой разумѣется, что собирать матеріалъ было редакторамъ лодзинскихъ изданій крайне трудно. Сообщенія съ остальной Россіей не было. Нѣмцами были установлены и телеграфъ (чрезъ Сѣрадзъ съ Бреславомъ), и телефонъ (съ Петроковомъ), но они назначались исключительно для военныхъ надобностей. Только изрѣдка нѣмцы сами сообщали редакторамъ кое-какія свѣдѣнія о ходѣ войны, полученныя по телеграфу, не пропуская впрочемъ непремѣнно ихъ печатать. Почти всегда то были извѣстія о блестящихъ успѣхахъ германской арміи на западномъ фронтѣ; иногда же эти извѣстія варьировались сообщеніями о чудесныхъ, чуть не сказочныхъ подвигахъ «Эмдена» на водахъ всего міра. Однако нѣмецкій телеграфъ часто портился; мѣстное населеніе пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы перерѣзать проволоку. Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Лодзи нѣмцы вовсе перестали сообщать извѣстія, получаемыя ими по телеграфу.

Приходилось довольствоваться выдержками изъ берлинскихъ газетъ, по которымъ все-же можно было судить о томъ, что совершается въ Европѣ. Нѣмцы такъ старательно организовали доставку газетъ изъ Берлина, что въ Лодзи онѣ появлялись на второй день (при чемъ берлинскія газеты часто помѣчаютъ для провинціи свои выпуски числомъ впередъ). Читателей такія выдержки не очень интересовали уже потому, что на всѣхъ улицахъ Лодзи можно было купить нумера тѣхъ же берлинскихъ газетъ. Гораздо интереснѣе для лодзянъ были перепечатки изъ газетъ столичныхъ и гарнизонныхъ, но цензоры слѣдили бдительно, чтобы такихъ перепечатокъ не появлялось. Самыя газеты,—петроградскія, московскія и варшавскія,—все-же почти каждый день проникали въ Лодзь. Кельнеры большихъ цукерень подавали постояннымъ посѣтителямъ вмѣстѣ съ чашкой кофе нумеръ «Kurjer Poranny» или «Варшавской Мысли» «на прочтъ», получая за это лишнихъ 40—50 коп. «на чай».

Свои объявленія и извѣщенія нѣмцы также сдавали въ мѣстныя газеты. При этомъ, въ какое бы время объявленіе ни было доставлено, нѣмцы требовали, чтобы оно было обязательно напечатано въ ближайшемъ выпускѣ. Не разъ приходилось уничтожать готовый наборъ и заново отливать четвертую страницу, чтобы вмѣстить присланное нѣмцами объявленіе о реквизиціи лошадей или о воспрещеніи торговать газетами, издаваемыми въ Россіи.

Вообще нѣмецкіе цензоры и ихъ помощники не церемонились съ лодзинскими редакціями и не стѣснялись въ выраженіяхъ при объясненіяхъ. Какъ-то разъ одинъ остроумецъ роздалъ во всѣ газеты объявленіе, что онъ ѣдетъ въ Варшаву и принимаетъ туда порученія всякаго рода. Большинство газетъ представило это объявленіе въ цензуру, и оно было запрещено. Но одна нѣмецкая газета напечатала его безъ цензуры. Цензоръ вызвалъ редактора для объясненій и разкричался на него. Тотъ оправдывался тѣмъ, что не зналъ, надо ли представлять въ цензуру объявленія.

— Развѣ вы не знаете,—кричалъ цензоръ,—что здѣсь — Германія и что ѣздить отсюда въ Россію воспрещено? Развѣ вы не поняли, что объявленіе было составлено въ насмѣшку?

— Не понялъ, не догадался,—отвѣчалъ редакторъ.

— Дуракъ!—коротко объявилъ цензоръ.

Выраженія въ томъ же духѣ, восклицанія въ родѣ ««Heraus!» («вонъ!») были не рѣдкостью въ устахъ бравыхъ нѣмецкихъ цензоровъ. Сотрудникъ одной газеты, осмѣлившійся замѣтить цензору, который опоздалъ часа на три сравнительно съ назначеннымъ срокомъ, что при такихъ условіяхъ невозможно издавать газету, получилъ классическій отвѣтъ:

— Замѣтьте, что не я—для васъ, а вы—для меня (Ich bin nicht für Sie, sondern Sie sind für mich!).

Когда нѣмцы стали готовиться къ выступленію изъ Лодзи, работа цензоровъ разладилась. Все чаще случалось редакторамъ напрасно дежурить по цѣлымъ часамъ у дверей цензорскаго кабинета и, никого не дождавшись, выпускать газету безъ цензуры, за свой страхъ. Разумѣется, писать противъ нѣмцевъ еще никто не рѣшался, и редакціи сами цензуровали свои изданія. Въ четвергъ, 16-го октября, вечерніе выпуски лодзинскихъ газетъ,—впервые за три недѣли,—вовсе не были представлены въ нѣмецкую цензуру. Утренніе выпуски въ пятницу, 17-го октября, уже заготовили другимъ языкомъ. Послѣднія колонны германской арміи въ ночной темнотѣ еще проходили чрезъ городъ, а въ типографіяхъ уже стучали машины, печатая привѣтствія русской арміи, какъ освободительницѣ.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 29-го октября

ВОЙНА.

(По телеграфу и телефону отъ нашихъ корреспондентовъ).

Путешествіе Государя Императора.

ИВАНГОРОДЪ. 30-го октября состоялось посѣщеніе Государемъ Императоромъ крѣпости Ивангородъ, подъ которой происходили недавно бои съ австрійскими и германскими войсками. Императорскій поѣздъ, слѣдуя изъ Любліна, прибылъ на станцію Ивангородъ-крѣпость въ 2 часа 20 мин. дня. На вокзалѣ Государь Императоръ былъ встрѣченъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ, комендантомъ крѣпости генералъ-майоромъ Шварцемъ и высшими военноначальствующими лицами крѣпости. При выходѣ Государя Императора изъ вагона раздался съ верковъ крѣпости салютъ, и надъ ея воротами былъ поднятъ штандартъ Его Императорскаго Величества. Принявъ рапортъ коменданта крѣпости и обойдя встрѣчавшихъ лицъ, Государь Императоръ съ комендантомъ крѣпости отбылъ въ автомобилѣ въ крѣпостную церковь среди стоявшаго шпалерами гарнизона крѣпости. Сюда же прибыли Великій Князь, военный министръ и лица свиты. Послѣ молебствія Государь Императоръ прошелъ въ центральный пунктъ управленія крѣпостной артиллеріи, осматривая по пути взятыя австрійскія и германскія артиллерійскія орудія. На артиллерійскомъ центральномъ пунктѣ, гдѣ сосредоточилось все управленіе огнемъ крѣпостныхъ батарей и фортовъ, Государь Императоръ обозрѣвалъ орудія и снаряды непріятельскихъ армій, взятые съ полей сраженія подъ Ивангородомъ, и артиллерійскіе снаряды нашей крѣпостной артиллеріи. Комендантъ крѣпости и начальникъ артиллеріи имѣли счастье давать объясненіе Его Величеству на планахъ о происходившихъ съ участіемъ гарнизона крѣпости Ивангорода бояхъ, и въ присутствіи Государя Императора была демонстрирована картина управленія посредствомъ телефоннаго сообщенія съ фортовъ и батарей артиллерійскимъ 20-тидневнымъ боемъ. Государь Императоръ соизволилъ сняться въ общей группѣ у непріятельскихъ орудій съ защитниками крѣпости, послѣ чего Государь Императоръ прослѣдовалъ въ автомобилѣ на одну изъ батарей, расположенную у фольварка Опацтво, гдѣ изволилъ осматривать установку орудій и телефонную станцію этой батареи. По осмотрѣ этой батареи Его Величество посѣтилъ костелъ въ Опацтво, пострадавшій отъ снарядовъ германской артиллеріи. Здѣсь Государя Императора встрѣтили войтъ съ хлѣбомъ-солью и ксендзъ, который совершилъ въ Высочайшемъ присутствіи краткое богослуженіе въ поврежденномъ снарядами костелѣ. Осмотрѣвъ затѣмъ фортъ Вашновскій, Государь Императоръ прослѣдовалъ обратно на станцію. Комендантъ крѣпости и высшее крѣпостное начальство были приглашены къ Высочайшему обѣду въ Императорскомъ поѣздѣ. Въ 10 час. вечера чрезъ станцію Ивангородъ и крѣпость прохо-